

Реляционные свойства некоторых локативных имен в шугнанском языке: семантика и грамматикализация

Д. А. Новокшанов

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия);
danovokshanov@edu.hse.ru; ORCID: 0009-0005-2935-4026

Аннотация. Статья освещает основные семантические и грамматические свойства локативных имен, претендующих на статус реляционных, в шугнанском языке. В ходе исследования были выделены морфосинтаксические критерии, позволяющие в определенных контекстах отличать реляционные имена от обычных имен благодаря их особым свойствам: неспособности принимать некоторые модификаторы, а также возможности опущения части конструкции. На основе критериев реляционные имена можно разделить на две основные группы по степени грамматикализации: демонстрирующие в определенных контекстах только декатегоризацию и те, которым свойственна также десемантизация.

Ключевые слова: грамматикализация, реляционные имена, шугнанский язык

Благодарности. Я искренне благодарю всех участников элицитации. Я особенно признателен Д. Рыжовой за неоценимую поддержку при подготовке данной статьи и благодарю рецензентов за ценные замечания. Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Для цитирования: Новокшанов Д. А. Реляционные свойства некоторых локативных имен в шугнанском языке: семантика и грамматикализация // Индоиранские языки. 2025. 1 (2). С. 61–81.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.2

Relational properties of some locative nouns in Shughni: Semantics and grammaticalization

Dmitry A. Novokshanov

HSE University (Moscow, Russia); danovokshanov@edu.hse.ru;

ORCID: 0009-0005-2935-4026

Abstract. The article highlights the main semantic and grammatical properties of locative nouns claiming the status of relational nouns in Shughni (an Eastern Iranian language spoken in the Pamirs). Firstly, I identify the main nouns belonging to this category on the basis of available grammars and examples from D. Karamshoev's Shughni–Russian dictionary and the Shughni corpus. Then, I determine the semantic properties as well as morphosyntactic criteria that distinguish them from ordinary nouns, namely: 1) they cannot take plural inflection; 2) they cannot be modified by an adjective; 3) they cannot be modified by a demonstrative; 4) it is possible to omit other elements of the prepositional/postpositional construction with the noun in question, preserving its semantics. Based on these criteria, the relational nouns can be divided into two main groups depending on the degree of their grammaticalization: nouns that in certain contexts undergo only decategorization and those that in certain contexts also show desemanticization, fully assuming the function of expressing locative meaning.

Keywords: grammaticalization, relational names, Shughni

Acknowledgments. I sincerely thank all participants in the elicitation process. I am especially grateful to D. Ryzhova, whose support and guidance has been crucial for this research. I also extend my gratitude to the reviewers for their thoughtful feedback. This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

For citation: Novokshanov D. A. Relational properties of some locative nouns in Shughni: Semantics and grammaticalization. *Indo-Iranian languages*. 2025. 1 (2). P. 61–81.

DOI: 10.30842/30346800.2025.1.2.2

1. Введение

Настоящая статья посвящена особенностям грамматикализации пространственных имен в шугнанском языке. Традиционно в этом языке среди прочих классов выделяются имена и адлоги. Имена представлены существительными, прилагательными, наречиями и местоимениями, однако части речи мало отличаются по формальным признакам [Карамшоев 1963: 90], а иногда и вовсе по ним неразличимы, ввиду чего мы говорим об именах в общем смысле. Например, в (1) слово *kinorā* ‘сторона, край, берег’ является существительным, а в (2) выступает в функции модификатора при имени *odam* ‘человек’.

- (1) *as* *ḡac=and* *tar* *kinorā* *naḡtūy-d*
 EL вода=LOC EQ берег выходить-PST
 ‘(Он) из воды вышел на берег’ [Карамшоев 1991: 125].
- (2) *wuz-um* *kinorā* *odam*
 1SG-1SG посторонний человек
 ‘Я посторонний человек’ [Карамшоев 1991: 125].

Шугнанские адлоги, как простые, так и сложные, чаще всего состоящие из имени и простого адлога, на настоящий момент изучены недостаточно. Отдельные группы отыменных адлогов, т. е. использующихся в качестве адлогов имен, а также сложных предлогов и послелогов в шугнанском языке выделяет Д. Карамшоев в «Грамматике баджувского диалекта» [Карамшоев 1963]. Т. Бахтибеков в «Грамматикаи забони Шугнонӣ» описывает некоторые сочетания предлогов с послелогом [Бахтибеков 1979]. В других описаниях шугнанского языка лишь отмечено наличие таких конструкций, но их список не приводится и их свойства не рассматриваются [Соколова 1967; Пахалина 1969; Edelman, Dodykhudoeva 2009; Parker 2023]. Д. Карамшоев отмечает, что сложные адлоги образуются сочетанием нескольких основных предлогов или послелогов со «знаменательными или служебными словами», т. е. отыменными адлогами, конкретизирующими абстрактное значение основного адлога.

Полная классификация адлогов в баджувском диалекте шугнанского языка приведена в Таблице 1 [Карамшоев 1963: 191–218]. В одинарных кавычках даны некоторые переводы или толкования из словаря Д. Карамшоева. В действительности каждый из представ-

ленных элементов обладает множеством значений. Для сложного предлога *az-zibo*=*yi* ‘el-задний=ez’, ввиду отсутствия в словаре этой формы, дан перевод одного из его вариантов *az zibo*, состоящего из простого предлога *az* ‘el’ и имени *zibo* ‘задний’. Для предлога *par* ‘ins, с помощью’ и предлогов-приставок *či* ‘cont1, на’ и *mi* ‘cont2, в’ предложены более простые по сравнению с описаниями значений в словаре Д. Карамшоева русские переводы.

Таблица 1. Классификация адлогов в баджувском диалекте шугнанского языка по Д. Карамшоеву¹

Table 1. Classification of adpositions in the Bajuwi dialect of Shughni by D. Karamshoev

Простые адлоги	
Простые предлоги	<i>tar</i> ‘в, до, к (горизонтально)’, <i>ar</i> ‘в, до, к (вниз)’, <i>pi</i> ‘в, до, к (вверх)’, <i>pis</i> ‘посредством’, <i>as</i> ‘от’, <i>par</i> ‘с помощью’, <i>to</i> ‘до’, <i>bar</i> ‘к (по направлению к поверхности земли или вверх в небо)’, <i>be</i> ‘без’
Предлоги-приставки ²	<i>či</i> ‘на (с частями тела)’, <i>mi</i> ‘в (с частями тела)’
Предлоги, заимствованные из таджикского ³	<i>ba</i> ‘к’, <i>dar</i> ‘в’, <i>daroyi</i> ‘для’, <i>baroyi</i> ‘для’, <i>iz baroyi</i> ‘для’
Простые послелоги	= <i>indīr</i> (=ind/=and) ‘в (местонахождение)’, = <i>ind</i> /= <i>and</i> ‘y’, = <i>ird</i> /= <i>ard</i> ‘по, на’, = <i>ti</i> (=tīr) ‘на’, = <i>ec</i> ‘до’, = <i>aven</i> ‘для, ради’, = <i>jāt</i> ‘из-за’, = <i>ji(d)</i> ‘при, у’, = <i>āj</i> ‘к’, = <i>jinow</i> ‘подобно’, = <i>miyūnd</i> ‘вроде’, = <i>dastūr</i> ‘похожий’, = <i>soxt</i> ‘как’, = <i>qati</i> ‘с’, = <i>borā</i> ‘раз’, = <i>ji</i> - ‘y, в, на’, = <i>jid</i> (=ja/=jad) ‘y, в, на’

¹ В словаре Д. Карамшоева все сложные адлоги записаны через дефис, как представлено в таблице. Мы же далее придерживаемся такой стратегии для сложных послелогов с простыми предлогами, а простые послелоги записываем через знак ‘=’, так как считаем их энклитиками.

² Термин Д. Карамшоева. Выбор, вероятно, связан с тем, что носителями данные адлоги пишутся слитно со словом, к которому относятся.

³ Такие предлоги чаще всего встречаются в кальках и заимствованных сочетаниях, но могут выполнять и иные функции.

Продолжение Таблицы 1

Сложные адлоги	
Сложные предлоги (заимствованные из таджикского языка) ⁴	<i>ba-sar</i> 'за', <i>ba-dowi</i> 'для', <i>ba-rosti</i> 'по отношению к', <i>az-ziboyi</i> 'сзади', <i>dar/as-waryi</i> 'вместо', <i>az-ruyi</i> 'на основании', <i>az-dasti</i> 'из-за', <i>az-jāti</i> 'из-за'
Сложные послелоги	<i>pi-kāl/tar-kāl</i> 'УР/ЕQ-голова, над', <i>pi-bīr/pi-bun</i> 'УР-низ/УР-дно, под', <i>tīr-īn/tar-tīr</i> 'верх-ADJ/ЕQ-верх, на', <i>bīr-īn/tar-bīr</i> 'низ-ADJ/ЕQ-низ, под', <i>pis-pāli</i> 'GOAL-сторона, около', <i>dām-tīr</i> 'спина-верх, сзади', <i>ḍum-tīr</i> 'хвост-верх, следом', <i>tar-kinorā</i> 'ЕQ-сторона, вокруг', <i>rū-pa-rū</i> 'лицо-CONJ-лицо, напротив', <i>ba-rost</i> 'напротив, прямо, по отношению к'
Отыменные послелоги	<i>hez</i> 'правый; при', <i>bīr</i> 'низ; под', <i>bīr-īn</i> 'низ-ADJ', 'под', <i>tīr</i> 'верх; над', <i>bun</i> 'дно; под', <i>dām</i> 'спина; сзади', <i>kāl</i> 'голова; над', <i>zibo</i> 'задний; сзади', <i>piro</i> 'перед', <i>darūn</i> 'внутренность; внутрь', <i>miḍen(a)/moben/baun</i> 'между', <i>kinorā</i> 'сторона; вокруг', <i>pāli</i> 'сторона; возле', <i>rost</i> 'прямой; прямо'

Ниже даны примеры использования некоторых адлогов. Они присоединяются к именной группе, обозначая грамматическую или семантическую связь этой группы с глаголом [Dryer 2013]. Присоединяясь к именной группе, они образуют адложную группу, которая может быть как предложной (3), так и послеложной (4). Зависимыми словами в такой адложной группе могут быть не только имена, у которых в шугнанском языке нет падежного словоизменения, но и местоимения, которые имеют косвенную форму, — в таком случае послелог присоединяется именно к косвенной форме (5). Вершиной в адложной группе также может быть сложный адлог,

⁴ Поскольку сложные предлоги, по-видимому, заимствуются из таджикского языка в готовом виде, их внутреннее устройство носителями шугнанского языка может не осознаваться и здесь не поясняется.

например послелог *pi-kāl* ‘над’, состоящий из направительного предлога *pi* ‘up’ и отыменного послелога *kāl* ‘над’, восходящего к существительному *kāl* ‘голова’, ср. определение «локативное служебное слово, указывающее место вверху чего-л.» [Карамшов 1991]⁵ (6).

- (3) *tar [tama xidīr pi-s čīd] sā-m*
EQ 2PL старший сын дом идти-1SG
‘Пойду в дом вашего старшего сына’ [Карамшов 1963: 257].
- (4) [*fukaθ mardum*]=*ind mol vu-d*
все люди=LOC скот быть-PST
‘У всех людей был скот’ [Карамшов 1963: 257].
- (5) *wi=nd wi dōniḥ bašānd vu-d*
3SG.M.O=LOC 3SG.M.O знания хороший быть-PST
‘У него были хорошие знания’ [Карамшов 1988].
- (6) *tu čīd pi-kāl ųalast mēst*
2SG дом up-голова яркий луна
‘Над твоим домом яркая луна’ [Карамшов 1991].

В статье будет рассмотрено только употребление отыменных послелогов, перечисленных в последней строке Таблицы 1. Мы попробуем уточнить приведенную выше классификацию и показать, что отыменные послелогии, находясь на разных этапах грамматикализации, в определенных контекстах обладают свойствами как обычных имен, так и более грамматикализованных послелогов, тем самым занимая на шкале грамматикализации место между обычными именами и послелогими. Именно это место зачастую отводится реляционным именам как менее грамматикализованным лексическим единицам, чем послелогии.

Реляционные имена — это те имена, которые вследствие грамматикализации приобрели черты, характерные для простых реляционных маркеров, например адлогов или падежей. Пространственные реляционные имена, как правило, происходят от существительных, обозначающих части тела (‘голова’, ‘спина’) или

⁵ Здесь и далее для цитирования словаря автор пользуется электронной версией словаря, доступной онлайн, URL: <https://pamiri.online>.

части других объектов ('сторона', 'край'), и обладают отличными от стандартных имен семантическими и морфосинтаксическими свойствами — именно эти свойства являются основным объектом нашего исследования. Материалом для исследования послужили данные словаря Д. Карамшоева [Карамшоев 1988; 1991; 1999] и корпуса шугнанского языка [Makarov et al. 2022], а также результаты анкетирования носителей языка, которое проводилось в ходе экспедиций НИУ ВШЭ в городе Хорог (Таджикистан) в 2023 и 2024 гг.

Исходя из описанного выше, мы определяем отыменные послелоги в шугнанском языке как находящиеся на пути грамматикализации из полнозначных имен с локативным значением в послелоги и обладающие набором свойств, которые не позволяют однозначно отнести их ни к одной из этих категорий.

Поставленная проблема рассматривалась на материале различных языков, см. [Tremblay, Kabbaj 1990; Holmberg 2002; Aboh 2010] и многие другие исследования. Реляционные имена рассматриваются исследователями как промежуточная ступень на пути грамматикализации полнозначного имени в адлог или падежный показатель. Притом адлоги и падежные маркеры легко отличить от обычных имен, а граница между простыми и реляционными именами значительно более тонкая. Критерии для ее установления определяются по-разному — в зависимости от морфосинтаксического строя конкретного языка.

В поисках критериев для выделения в шугнанском языке особого класса реляционных имен мы будем опираться на механизмы теории грамматикализации, которая описывается в работе Б. Хайне и Т. Кутевой [Heine, Kuteva 2002] как переход от лексических форм к грамматическим и от грамматических к еще более грамматизированным. Соответственно, задача исследования процессов грамматикализации сводится к «описанию того, как грамматические формы и конструкции возникают и развиваются в пространстве и времени, и объяснению того, почему они структурированы определенным образом»⁶ [Heine, Kuteva 2002: 2]. Авторы

⁶ «Its primary goal is to describe how grammatical forms and constructions arise and develop through space and time, and to explain why they are structured the way they are».

выделяют четыре основных механизма грамматикализации: десемантизация — потеря семантических компонентов, расширение (extension) — использование в новых контекстах, декатегоризация — потеря морфосинтаксических свойств, характерных для лексических или других менее грамматикализованных форм, и эрозия — потеря фонетического содержания [Heine, Kuteva 2002: 2].

В работах, описывающих грамматикализацию реляционных имен в разных языках, предлагаются различные критерии для определения их статуса. При выделении особой группы реляционных имен в шугнанском языке мы опираемся на их семантические (раздел 2) и морфосинтаксические свойства (раздел 3). В разделе 4 подведены итоги исследования.

2. Семантические свойства

Чаще всего имена в языках мира обозначают объекты или их свойства, в то время как локативные адлоги и пространственные падежи маркируют локализацию и пространственные роли при глаголах движения. Так, в русском языке примером объекта и его свойства могут быть существительное *дом* и прилагательное *домашний*. Локализация обозначается предлогом *перед* в предложении *Перед домом росло большое дерево*. Примером выражения пространственной роли с помощью падежного (в данном случае предложно-падежного) маркирования является предложная группа *к дому* в предложении *Он пошел к дому*.

В шугнанском языке существуют три показателя пространственных ролей, статус которых не до конца изучен — это локативный послелог *=and* ‘LOC’, обозначающий статичное местонахождение, лативный *=ard* ‘LAT’, маркирующий адресата и движение внутри определенного пространства, и директивный *=āj* ‘DIR’, указывающий на направление в сторону объекта. На пространственную роль могут указывать и предлоги, например: направительный предлог *ar* ‘DOWN’, указывающий на движение к ориентиру, находящемуся ниже говорящего, *tar* ‘EQ’, обозначающий движение к ориентиру, находящемуся на одном уровне с говорящим, *ri* ‘UP’, описывающий движение к ориентиру, находящемуся выше говорящего, и элативный предлог *as* ‘EL’, указывающий

на движение от объекта. В то же время локализацию в шугнанском маркируют только послелогои, например *=ti* 'SUP', указывающий на местонахождение на поверхности объекта, и *=va* 'PROL', описывающий локализацию или движение вдоль объекта. Таким образом, за выражение как пространственной роли, например направления, так и локализации в шугнанском языке отвечают различные адлоги.

Большинство реляционных имен из нашего списка способны выражать локализацию в сочетании со стативными глаголами и пространственную роль при глаголе движения, обычно в конструкции с предлогами или послелогоми. Так, в примере (7а) роль конечной точки перемещения выражается с помощью имени *tīr* 'верх' и послелога *=ti* 'SUP', маркирующего локализацию на поверхности объекта. В словаре Д. Карамшоева это сочетание переведено как 'сверху, поверх, на, над'. В примере (7б) локализация в области вокруг объекта маркируется именем *pāli* 'сторона' в сочетании с предлогом направления и цели *pis* 'GOAL'. Д. Карамшоев дает этому сочетанию перевод 'около, рядом, при'. При этом часть таких имен допускает опущение предлога/послелога, т. е. полностью берет на себя функции маркирования пространственных отношений. В примере (8) *tīr* 'верх' употребляется как послелог, самостоятельно маркируя локализацию на поверхности объекта.

- (7а) *bād=en rūyan čū-d wi*
 потом=3PL масло делать-PST D3.M.SG.O
garḍā tīr=ti
 лепешка верх=SUP
 'Потом сверху лепешки положили масла' [Карамшоев 1999].

- (7б) *tu injūm tu pis=pāli*
 2SG имущество 2SG GOAL=сторона
 'Твое снаряжение вокруг тебя' [Карамшоев 1991].

- (8) *yu yal nêx=tīr nūs-č*
 D3.M.SG еще нары=верх сидеть-PF.M
 'Он еще сидит на нарах' [Карамшоев 1999].

Эти же имена сохраняют лексические значения в синтаксических позициях существительного и наречия соответственно (9), (10).

- (9) *yu as wi kāzor pāli nūs-t*
 D3.M.SG EL D3.M.SG.O огород сторона сидеть-PST
 'Он сел со стороны огорода' [[Карамшоев 1991](#)].
- (10) *tīr tagov ca yoδ-d,*
 вверх вниз COMPL приходить-3SG
tarū-ta na-yoδ-d
 D1.EQ-EMPH NEG-приходить-3SG
 'Вверх и вниз проезжает, а сюда не заглядывает' [[Карамшоев 1999](#)].

Таким образом, рассматриваемые имена отличаются от обычных имен способностью выражать локализацию и пространственную роль при глаголе движения, что свойственно простым адлогам.

Способность маркировать локализацию и пространственную роль свойственна почти всем именам из рассмотренного списка. Исключение составляют *dām* 'спина' и *δut* 'хвост', которые маркируют движение вслед за объектом и, тем самым, выражают только пространственную роль, а также заимствованные из таджикского *rost* 'правый, прямой' и *rū* 'лицо'⁷, которым в шугнанском языке не свойственно маркировать пространственные роли.

3. Грамматикализация: морфосинтаксические процессы

В этом разделе будут описаны морфосинтаксические свойства выбранных локативных имен. Сначала мы проверим, демонстрируют ли данные имена декатегоризацию, то есть потерю морфосинтаксических свойств, характерных для лексических форм. Далее мы подробнее рассмотрим способность некоторых отыменных послелогов самостоятельно выражать пространственные отношения, без помощи простых предлогов и послелогов, что свойственно обычным локативным показателям.

В шугнанском языке основными морфосинтаксическими свойствами имен являются способность присоединять показатель мно-

⁷ Имена *rost* 'правый' и *rū* 'лицо' употребляются в заимствованных из таджикского языка изафетных конструкциях, например *az-rūyi* 'из-за'.

жественного числа, а также модифицироваться определениями и демонстративами, зачастую выступающими в качестве определенного артикля.

3.1. Способность присоединять показатель множественного числа

В шугнанском языке существует несколько суффиксов множественного числа, однако наиболее употребителен и универсален суффикс *-en* 'PL' (подробнее о выражении множественного числа в шугнанском языке см. [Parker 2023]). Пример (11) демонстрирует употребление имени *čaxtmā* 'источник' во множественном числе. Локативное имя *hez* 'правый' здесь выступает не в позиции модификатора, который в шугнанском языке предшествует определяемому в атрибутивной конструкции, а в позиции адлога со значением непосредственной близости к объекту, который управляет именем во множественном числе. В этой позиции *hez* не может маркироваться показателем множественного числа ни вместо управляемого имени (12), ни вместе с ним (13), что указывает на морфологическую декатегоризацию.

- (11) *wev čaxtmā-yen hez=and=i xāv-d*
 D3.PL.O источник-PL правый=LOC=3SG спускаться-PST
 'Он сошел [с транспорта] у тех источников' [анкетирование].

- (12) **wev čaxtmā hez-en=and=i xāv-d*
 D3.PL.O источник правый-PL=LOC=3SG спускаться-PST
 'Он сошел [с транспорта] у тех источников' [анкетирование].

- (13) **wev čaxtmā-yen hez-en=and=i xāv-d*
 D3.PL.O источник-PL правый-PL=LOC=3SG спускаться-PST
 'Он сошел [с транспорта] у тех источников' [анкетирование].

Из рассматриваемого списка имен единственным исключением является слово *bun* 'основание, дно, корни', маркирующее в конструкции с послелогом *=and* 'LOC' нахождение в непосредственной близости к основанию объекта и допускающее оформление показателем множественного числа (14)⁸. Это может говорить о мень-

⁸ Уточним, что присоединять показатель множественного числа в данном примере могут либо *diraxt* 'дерево', либо *bun* 'основание', но не оба слова.

шей по сравнению с другими отыменными послелогоми степени грамматикализации.

- (14) *ik-wev* *diraxt* *bun-en=and* *tām*
 EMPH-D3.PL.O дерево основание-PL=LOC тогда
daraw *xī-d* *kin*
 сразу есть-INF делать.IMP
 ‘Под теми деревьями принимайся за еду’ [анкетирование].

3.2. Модификация определением

Пример (15) показывает употребление атрибутивной конструкции⁹, состоящей из имени *garḍā* ‘лепешка’ и модификатора *kaš* ‘горячий’. Составлять атрибутивную конструкцию с локативным именем *darūn* ‘внутренность’ прилагательное не может (16)¹⁰.

- (15) *kaš* *garḍā=ti* *maskā* *patēw-en*
 горячий лепешка=SUP сливочное.масло бросать-3PL
 ‘На горячую лепешку кладут сливочное масло’ [Карамшов 1999].
- (16) **zīr=ta* *kicor* *kaš* *darūn* *ḍ-en*
 камень=FUT очаг горячий внутренность давать-3PL
 Ожид.: ‘Камень кладут в горячую внутренность очага’ [анкетирование].

Единственный пример, в котором атрибутивная конструкция с отыменным послелогом допускалась, приведен в (17). В нем *dām* ‘спина’ (мужского рода) в составе сложного послелога *dām=ti*, маркирующего движение вслед за объектом, модифицируется прилагательным *fidīng* ‘прямой, торчащий’, которое, судя по словарным данным, противопоставляется по роду (*fidīng* — мужского рода; *fidang* — женского рода). Важно заметить, что такой пример допускают лишь отдельные носители.

⁹ Зависимое слово в такой конструкции в шугнанском языке всегда предшествует главному.

¹⁰ Возможно, проблема заключается в том, что для проверки сочетаемости с прилагательным трудно придумать достаточно естественный контекст, ср. похожее замечание в [Arkhangelskiy, Usacheva 2015: 128].

- (17) *ʔyu wam fid̩ŋ dām=ti kiχ-t*
 D3.M.SG D3.F.SG.O торчащий спина=SUP делать-3SG
 ‘Он идет за той раздражающей девушкой’ (букв. «Он идет за той торчащей спиной») [анкетирование].

3.3. Модификация демонстративом

Демонстративы в шугнанском языке различаются по числу, падежу, в ряде случаев по роду, а также по степени удаленности от говорящего. Демонстративы ближней и средней дальности используются только как указательные, а показатели «третьей серии», обычно интерпретирующиеся как обозначающие объект, находящийся вдали от обоих участников диалога, также используются в качестве местоимений третьего лица. Все они принадлежат именной группе. В примере (18) демонстратив ближней степени множественного числа в косвенном падеже *mev* модифицирует имя *toθč* ‘миска’, оформленное показателем множественного числа *-en* (подробнее об устройстве системы демонстративов см. [Parker 2023: 200]).

- (18) [*mev toθč-en*]=*at tozā čūd o?*
 D1.PL.O миска-PL=2SG мыть делать.PST Q
 ‘Вы вымыли эти миски?’ [Parker 2023: 202] (гlossирование изменено).

В примере (19a) сложный послелог *tar-kāl*, частью которого является имя *kāl* ‘голова’, модифицирует именную группу *māš ṡār* ‘наш город’, указывая на пространство над объектом. Однако если мы попробуем разделить сложный послелог указательным местоимением, то такое предложение носители запрещают. Это продемонстрировано в примере (19б), где перед именем *kāl* стоит указательное местоимение третьей степени дальности единственного числа в косвенном падеже *wi*.

- (19a) [[*māš ṡār*] *tar-kāl*] *kemā naṡjā-d*
 1PL город EQ-голова самолет проходить-PST
 ‘Над нашим городом пролетел самолет’ (букв. «к голове нашего города пролетел самолет») [анкетирование].

- (19б) **[māš xār tar [wi kāl]]*
 1PL город EQ D3.M.SG.O голова
kemā naŷjā-d
 самолет проходить-PS
 ‘Над нашим городом пролетел самолет’ (букв. «на той голове
 нашего города пролетел самолет») [анкетирование].

Однако местоимение можно вставить между составляющей *māš xār* ‘наш город’ и сложным послелогом *tar-kāl*, см. пример (20). В этом случае именная группа дополнительно оформляется посессивным локативом, т. е. выносится в отдельную составляющую (см. [Ронько 2022] о конструкциях с внешним посессором), а демонстратив *wi*, также использующийся в качестве местоимения (третьего лица, единственного числа, мужского рода), по-видимому, выступает в функции личного местоимения и заполняет валентность сложного послелога (букв. «у нашего города над ним пролетел самолет»). Подобным образом могут вести себя и другие адлоги из нашего списка.

- (20) *māš xār=and [wi tar=kāl]*
 1PL город=LOC D3.M.SG.O EQ=голова
kemā naŷjā-d
 самолет проходить-PS
 ‘Над нашим городом пролетел самолет’ (букв. «у нашего города
 на его голове пролетел самолет») [анкетирование].

3.4. Возможность опустить часть конструкции

В разделе 2 было показано, что выбранные локативные имена могут приобретать свойственные грамматическим показателям значения, как употребляясь в качестве единственного показателя пространственной роли или локализации, так и в составе сложных послеложных или предложно-послеложных конструкций. В шугнанском языке именам, выражающим локализацию, свойственно маркироваться локативным послелогом, например *=and* ‘LOC’ или *=ti* ‘sup’ (21), и направлятельными предлогами, например *tar* ‘EQ’ в случае указания на тип движения (22). Опустить предлог или послелог в таких конструкциях невозможно.

- (21) *Ahmad dišid=ti xov-d*
 Ахмад крыша=SUP спать-PST
 ‘Ахмад спал на крыше’ [анкетирование].

- (22) *aro, tar maktab=ām sa-t*
 ADR EQ школа=1PL идти-PST
 ‘В школу мы ходили’ [корпус].

В то же время анализ вариантов употреблений локативных имен в шугнанском языке показал, что при некоторых из них как направлятельные предлоги, так и локативные послелогов могут опускаться без изменения значения высказывания. В разделе 2 мы продемонстрировали пример с именем *tīr* ‘верх’ (8). Здесь же приведем еще несколько примеров с другим именным послелогом. В (23) *bīr* ‘низ’ используется для обозначения локализации под объектом, а в (24) указывает на направление под объект. В обоих случаях отыменный послелог употребляется без дополнительных показателей, которые бы составляли сложную адложную конструкцию (ср. примеры (25) и (26), где *bīr* ‘низ’ дополнительно маркируется локативом). Это говорит о том, что послелог может выражать в данном случае локативное значение без каких-либо дополнительных маркеров.

- (23) *māš=ām diraxt bīr xov-d*
 1PL=1PL дерево низ спать-PST
 ‘Мы спали под деревом’ [анкетирование].

- (24) *wi wārg=en do-d cimud bīr*
 D3.M.SG.O ягненок=3PL давать-PST корзина низ
 ‘Ягненка они поместили под корзину’ [анкетирование].

- (25) *māš=ām diraxt bīr=and xov-d*
 1PL=1PL дерево низ=LOC спать-PST
 ‘Мы спали под деревом’ [анкетирование].

- (26) *wi wārg=en do-d cimud bīr=and*
 D3.M.SG.O ягненок=3PL давать-PST корзина низ=LOC
 ‘Ягненка они поместили под корзину’ [анкетирование].

По возможности опустить предлог или локативный послелог можно заключить, что 7 из 15 реляционных имен имеют большую

по сравнению с остальными степень грамматикализации. Способность каждого из реляционных имен употребляться без предлогов или послелогов отражена в Таблице 2.

Таблица 2. Способность реляционных имен употребляться без предлогов и послелогов

Table 2. The ability of relational nouns to be used without prepositions and postpositions

Имя/вариант употребления	Без предлога и послелога	С предлогом	С послелогом
<i>hez</i> 'правый'	+	+	+
<i>bīr</i> 'низ'	+	+	+
<i>tīr</i> 'верх'	+	+	+
<i>piro</i> 'перед'	+	+	+
<i>darūn</i> 'внутренность'	+	+	+
<i>pāli</i> 'сторона'	+	+	+
<i>kinorā</i> 'сторона'	+	+	+
<i>kāl</i> 'голова'	–	+	+
<i>bun</i> 'основание'	–	+	+
<i>zibo</i> 'задний'	–	+	+
<i>baun</i> 'середина'	–	+	+
<i>dām</i> 'спина'	–	–	+
<i>ḍum</i> 'хвост'	–	–	+
<i>rost</i> 'правый'	–	–	–
<i>rū</i> 'лицо'	–	–	–

4. Результаты исследования

Настоящее исследование позволяет сделать вывод, что некоторые имена с пространственным значением или обозначающие части тела, названные Д. Карамшоевым отыменными послелогоми,

в ряде контекстов попадают в категорию реляционных имен или даже адлогов на основании следующих критериев:

- 1) неспособность присоединять показатель множественного числа;
- 2) неспособность модифицироваться определением;
- 3) неспособность модифицироваться демонстративом;
- 4) возможность опустить часть пространственной конструкции без потери смысла.

Четвертый критерий распространяется лишь на 47 % имен, что позволяет разделить эти имена на более и менее грамматикализированные с точки зрения морфосинтаксических свойств. Результаты морфосинтаксических тестов для каждого из представленных имен приведены в Таблице 3.

Таблица 3. Морфосинтаксические тесты

Table 3. Morphosyntactic tests

Имя	PL	DEM	ADJ	Опущение простого адлога в конструкции
<i>hez</i> 'правый'	–	–	–	+
<i>bīr</i> 'низ'	–	–	–	+
<i>tīr</i> 'верх'	–	–	–	+
<i>piro</i> 'перед'	–	–	–	+
<i>darūn</i> 'внутренность'	–	–	–	+
<i>pāli</i> 'сторона'	–	–	–	+
<i>kinorā</i> 'сторона'	–	–	–	+
<i>kāl</i> 'голова'	–	–	–	–
<i>bun</i> 'основание'	+	–	–	–
<i>dām</i> 'спина'	–	–	?	–
<i>zibo</i> 'задний'	–	–	–	–
<i>bayn</i> 'середина'	–	–	–	–
<i>rost</i> 'правый'	–	–	–	–
<i>ḡum</i> 'хвост'	–	–	–	–
<i>rū</i> 'лицо'	–	–	–	–

Ввиду того что рассматриваемые свойства (как лексические, так и грамматические) проявляются лишь в определенных контекстах, нельзя однозначно определить данные имена в особую категорию реляционных, однако можно утверждать, что в некоторых контекстах они демонстрируют более грамматикализованные употребления. Уточнение круга такого рода имен, а также возможной границы между реляционными именами и адлогами в этих контекстах, может стать предметом дальнейших исследований.

5. Заключение

Таким образом, мы рассмотрели 15 локативных имен, 13 из которых в классификации адлогов Д. Карамшоева попадают в категорию «отыменных послелогов» и 2 являются частью «сложных послелогов». Проанализировав семантические и морфосинтаксические свойства этих имен, мы выявили четыре критерия, свидетельствующих о том, что в определенных контекстах данные имена действительно обладают исключительно свойствами грамматических показателей (за редким исключением). Это неспособность морфологически выражать множественное число, модифицироваться определением и демонстративом и возможность опустить часть пространственной конструкции без потери смысла.

Дальше всех на пути грамматикализации продвинулись имена *hez* 'правый', *bīr* 'низ', *tīr* 'верх', *piro* 'перед', *darūn* 'внутренность', *pāli* 'сторона', *kinorā* 'сторона': в соответствующих конструкциях они теряют морфосинтаксические свойства, характерные для обычных имен (т. е. проходят стадию декатегоризации), а также утрачивают свое исходное лексическое значение и приобретают явное грамматическое, маркируя разного рода пространственные отношения без помощи каких-либо дополнительных локативных показателей и демонстрируя тем самым высокую степень десемантизации и расширения области употребления. Имена *kāl* 'голова', *dām* 'спина', *zibo* 'задний', *baun* 'середина', *rost* 'правый', *ḍum* 'хвост', *rū* 'лицо' подвергаются декатегоризации, но не приобретают способности полностью брать на себя функцию выражения локативного значения. Ниже всех в этой иерархии находится имя *bun* 'основание' — оно сохранило способность принимать показатель множественного числа в локативных конструкциях.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ADJ — адъективизатор; ADR — обращение; COMPL — комплементаризатор; CONJ — соединительный союз; CONT1 — опора на части тела; CONT2 — локатив с частями тела; DIR — директив; DOWN — перемещение к ориентиру ниже говорящего; D1 — указательное местоимение первой серии (Ich-Deixis); D3 — указательное местоимение третьей серии (Jener-Deixis); EL — элатив; EMPH — эмфатическая частица; EQ — экваллатив, перемещение к ориентиру на одном уровне с говорящим; EZ — изафет (в таджикских заимствованиях); F — женский род; FUT — показатель будущего времени, хабиуталиса; GOAL — показатель цели; IMP — императив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; LAT — латив, адресат, реципиент; LOC — локатив, личный локатив; M — мужской род; NEG — общий показатель отрицания; O — косвенный падеж; PF — перфект; PL — множественное число; PROL — пролатив; PST — прошедшее время; Q — вопросительная частица; SG — единственное число; SUP — суперэссив; UP — эссив со значением 'вверху'.

Литература

- Бахтибеков 1979 — Т. К. Бахтибеков. Грамматикаи забони Шугнонӣ [Грамматика шугнанского языка]. Душанбе: Ирфон, 1979.
- Карамшоев 1963 — Д. К. Карамшоев. Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе: Издательство Академии наук Таджикской ССР, 1963.
- Карамшоев 1988 — Д. К. Карамшоев. Шугнанско-русский словарь. Т. 1. М.: Наука, 1988.
- Карамшоев 1991 — Д. К. Карамшоев. Шугнанско-русский словарь. Т. 2. М.: Наука, 1991.
- Карамшоев 1999 — Д. К. Карамшоев. Шугнанско-русский словарь. Т. 3. М.: Восточная литература, 1999.
- Пахалина 1969 — Т. Н. Пахалина. Памирские языки. М.: Наука, 1969.
- Ронько 2022 — Р. В. Ронько. Посессивные конструкции с местоимениями в шугнанском языке // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 5. С. 48–66. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-5-48-66.
- Соколова 1967 — В. С. Соколова. Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л.: Наука, 1967.
- Aboh 2010 — E. O. Aboh. The P route // G. Cinque, L. Rizzi (eds.). Mapping spatial PPs: The cartography of syntactic structures. Vol. 6. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 225–260. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195393675.003.0007>.
- Arkhangelskiy, Usacheva 2015 — T. A. Arkhangelskiy, M. N. Usacheva. Syntactic and morphosyntactic properties of postpositional phrases in Beserman

- Udmurt as part-of-speech criteria // *Finnish Journal of Linguistics*. 2015. Vol. 28. P. 103–137.
- Dryer 2013 — M. S. Dryer. Order of adposition and noun phrase // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *WALS Online* (электронный ресурс). URL: <https://wals.info/chapter/85> (дата обращения 05.01.2025).
- Edelman, Dodykhudoeva 2009 — D. I. Edelman, L. R. Dodykhudoeva. *Shughni* // G. Windfuhr (ed.). *The Iranian languages*. London; New York: Routledge, 2009. P. 787–825.
- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Holmberg 2002 — A. Holmberg. Prepositions and PPs in Zina Kotoko // B. K. Schmidt, D. Odden, A. Holmberg. *Some aspects of the grammar of Zina Kotoko*. München: Lincom Europa, 2002.
- Makarov et al. 2022 — Y. Makarov, M. Melenchenko, D. Novokshanov. Digital Resources for the Shughni Language // A. Kr. Ojha, S. Ahmadi, Ch.-H. Liu, J. P. McCrae (eds.). *Proceedings of the Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conference*. S. l.: s. n., 2022. P. 61–64.
- Parker 2023 — C. Parker. *A grammar of the Shughni language*. Ph.D. thesis. Montreal: McGill University, 2023.
- Tremblay, Kabbaj 1990 — M. Tremblay, O. Kabbaj. The internal structure of PPs in Amharic: On postpositions and prepositional case affixes // J. P. Hutchinson, V. Manfredi (eds.). *Current approaches to African linguistics*. Vol. 7. Dordrecht: De Gruyter Mouton, 1990. P. 167–178. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110884906.167>.

References

- Aboh 2010 — E. O. Aboh. The P route. G. Cinque, L. Rizzi (eds.). *Mapping spatial PPs: The cartography of syntactic structures*. Vol. 6. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 225–260. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195393675.003.0007>.
- Arkhangelskiy, Usacheva 2015 — T. A. Arkhangelskiy, M. N. Usacheva. Syntactic and morphosyntactic properties of postpositional phrases in Beserman Udmurt as part-of-speech criteria. *Finnish Journal of Linguistics*. 2015. Vol. 28. P. 103–137.
- Bakhtibekov 1979 — T. K. Bakhtibekov. *Grammatikai zaboni Šugnoni* [A grammar of the Shughni language]. Dushanbe: Irfon, 1979.
- Dryer 2013 — M. S. Dryer. Order of adposition and noun phrase. M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *WALS Online*. Available at: <https://wals.info/chapter/85> (accessed on 05.01.2025).

- Edelman, Dodykhudoeva 2009 — D. I. Edelman, L. R. Dodykhudoeva. Shughni. G. Windfuhr (ed.). *The Iranian languages*. London; New York: Routledge, 2009. P. 787–825.
- Heine, Kuteva 2002 — B. Heine, T. Kuteva. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Holmberg 2002 — A. Holmberg. Prepositions and PPs in Zina Kotoko. B. K. Schmidt, D. Odden, A. Holmberg. *Some aspects of the grammar of Zina Kotoko*. München: Lincom Europa, 2002.
- Karamshoev 1963 — D. K. Karamshoev. *Badzhuvskiy dialekt shugnanskogo yazyka* [Bajuwi dialect of Shughni]. Dushanbe: Academy of Sciences of Tajik SSR, 1963.
- Karamshoev 1988 — D. K. Karamshoev. *Shugnansko-russkiy slovar* [Shughni–Russian dictionary]. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1988.
- Karamshoev 1991 — D. K. Karamshoev. *Shugnansko-russkiy slovar* [Shughni–Russian dictionary]. Vol. 2. Moscow: Nauka, 1991.
- Karamshoev 1999 — D. K. Karamshoev. *Shugnansko-russkiy slovar* [Shughni–Russian dictionary]. Vol. 3. Moscow: Vostochnaya literatura, 1999.
- Makarov et al. 2022 — Y. Makarov, M. Melenchenko, D. Novokshanov. Digital Resources for the Shughni Language. A. Kr. Ojha, S. Ahmadi, Ch.-H. Liu, J. P. McCrae (eds.). *Proceedings of the Workshop on Resources and Technologies for Indigenous, Endangered and Lesser-resourced Languages in Eurasia within the 13th Language Resources and Evaluation Conference*. S. l.: s. n., 2022. P. 61–64.
- Parker 2023 — C. Parker. *A grammar of the Shughni language*. Ph.D. thesis. Montreal: McGill University, 2023.
- Pakhalina 1969 — T. N. Pakhalina. *Pamirskiye yazyki* [Pamir languages]. Moscow: Nauka, 1969.
- Ronko 2022 — R. V. Ronko. Posessivnyye konstruksii s mestoimeniyami v shugnanskom yazyke [Possessive constructions with pronouns in the Shughni language]. *RSUH Bulletin. Series: Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies*. 2022. No. 5. P. 48–66.
- Sokolova 1967 — V. S. Sokolova. *Geneticheskiye otnosheniya yazgulyamskogo yazyka i shugnanskoy yazykovoy gruppy* [Genetic relations of Yazgulami and the Shughni language group]. Leningrad: Nauka, 1967.
- Tremblay, Kabbaj 1990 — M. Tremblay, O. Kabbaj. The internal structure of PPs in Amharic: On postpositions and prepositional case affixes. J. P. Hutchinson, V. Manfredi (eds.). *Current approaches to African linguistics*. Vol. 7. Dordrecht: De Gruyter Mouton, 1990. P. 167–178. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110884906.167>.